

Это ясно из того, что высказываемое нами грамматическое предложение, как бы оно ни было правильно в грамматическом смысле, само по себе еще ровно ничего не говорит о своей ложности или истинности. Мы можем сказать «Юпитер гневается», и это будет у нас грамматически совершенно правильное предложение. Однако тот, кто высказывает подобного рода предложение, вовсе не верит в существование Юпитера и уж тем более в существование гнева у Юпитера. Можно сказать «круглый квадрат летает; и когда он летает, он превращается в деревянное железо». В этом предложении ни одно слово не отражает объективной действительности, и уж тем более не отражает ее все предложение в целом. И тем не менее самый строгий грамматист должен признать, что перед нами здесь предложение, которое по законам русской грамматики составлено совершенно правильно.

Итак, нельзя согласиться с теми, которые ради мнимого материализма утверждают, что язык есть отражение действительности. Само собой разумеется, что язык очень часто является отражением действительности, но он часто является также искажением действительности, ложью об этой действительности и самой настоящей клеветой на эту действительность. Иначе ведь любое наше грамматическое предложение и любое наше высказывание уже было бы истиной, и искажать действительность, извращать существующие в ней отношения и вообще ошибаться или лгать было бы невозможно. Разумеется, неправы и те, которые на этом основании вообще отказываются сопоставлять язык и действительность, разрывают обе эти сферы, отбрасывают действительность и утверждают, что в языке имеется своя собственная истинность или ложность независимо ни от какой действительности.

Входить в подобного рода дискуссию можно только в специальном исследовании. Что же касается нашей аксиоматики, то она просто основана на здравом смысле. А с точки зрения здравого смысла; человеческое мышление, конечно, возникает из простейших и элементарных восприятий действительности; но несмотря на это, оно вовсе не всегда соответствует действительности, может сколько угодно уклоняться от нее в сторону и быть в сравнении с нею самой настоящей ложью. Невозможно отвергать эти простейшие данные здравого смысла. И зависимость языка от предметной действительности, из отражения которой он только и мог возникнуть, а также зависимость языка от мышления, которое может быть как истинным, так и ложным, эта обоюдосторонняя зависимость языка, эта обусловленность специфических знаков языка как актами восприятия самой действительности, так и актами самостоятельно функционирующего мышления, всякая такая зависимость есть просто требование здравого смысла. И, собственно говоря, тут еще нет никакой научной теории, а фиксируются только факты самой обыкновенной и максимально очевидной человеческой практики.

Перейдем к нашему четвертому тезису. *Всякий языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности.*

Здесь мы вводим термин «интерпретация», с которым, собственно говоря, мы уже имели дело и раньше. Но раньше вместо этого термина мы пользовались термином «понимание» и связывали его с той стихией человеческого сознания, в которой объективная вещь находила свое отражение и свое то или иное к ней отношение, т. е. свое истолкование. Теперь же, после изучения вопроса о зависимости языка от мышления, мы можем говорить о понимании уже в более широком смысле слова, включая сюда и понимание действительности. Изучение этой *интерпретативной* природы языкового знака обнаруживает в нем целое множество разного рода явлений, вполне специфических как в сравнении с объективной действительностью, так и в сравнении с чистым мышлением, развивавшимся на основах отражения этой действительности.